

тип преследовал его целые годы, и он возвращался к нему несколько раз, пока наконец не нашел полного и чрезвычайно художественного выражения и героине «Вешних вод». Другой задачей «Дыма» было изображение в действительном свете пустоты или, даже более того, — глупости высокопоставленных бюрократов, в руки которых попала Россия после движения шестидесятых годов. В этой повести звучит глубокое отчаяние в будущем России после гибели великого реформационного движения, разрушившего крепостное право. Приписывать это отчаяние, вполне или даже главным образом, тому враждебному приему, с каким были встречены русской молодежью «Отцы и дети», — совершенно нелепо; корень этого отчаяния надо искать в разрушении тех надежд, которые Тургенев и его лучшие друзья возлагали на представителей реформационного движения в 1859—1863 годах. То же отчаяние побудило Тургенева написать «Довольно» (1865) и фантастический очерк «Призраки» (1867). Он освободился от этого тягостного чувства лишь тогда, когда увидел рождение в России нового движения — «в народ», — начавшегося среди молодежи в начале семидесятых годов.

Это движение он изобразил в последней повести, принадлежащей к упомянутой серии, «Новь» (1876). Несомненно, что он ему вполне сочувствовал; но на вопрос: дает ли его повесть правильное понятие о движении? — придется ответить до известной степени отрицательно, несмотря на то что Тургенев, с обычным удивительным чутьем, подметил наиболее выдающиеся черты движения. Повесть была закончена в 1876 году (мы читали ее в корректуре, в доме П. Л. Лаврова, в Лондоне, осенью того же года), т. е. за два года до большого процесса, в котором судили сто девяносто три участника и участницы этого движения. А в 1876 году никто не мог хорошо знать молодежь наших кружков, не будучи сам членом этих кружков. Вследствие этого изображенное в «Нови» может относиться лишь к ранним фазам движения. Многое в повести подмечено верно, но ее общее впечатление далеко не точно передает характер движения, и, вероятно, сам Тургенев, если бы он был лучше знаком с русским юношеством той эпохи, дал бы повести другую окраску.

Несмотря на весь свой громадный талант, Тургенев не мог заменить догадкой фактического знакомства с описываемым. Но он понял две характерные черты самой ранней фазы этого движения, а именно: непонимание агитаторами крестьянства, вернее — характерную неспособность большинства ранних деятелей движения понять русского мужика, вследствие особенностей их фальшивого литературного, исторического и социального воспитания, — и, с другой стороны, — их гамлетизм, отсутствие решительности или, вернее, «волю, блекнущую и болеющую, покрываясь бледностью мысли», которая действительно характеризовала начало движения семидесятых годов. Если бы Тургенев писал эту повесть несколькими годами позже, он, наверное, отметил бы появление нового типа людей действия, т. е. новое видоизменение базаровского и инсаровского типа, возраставшего по мере того, как движение росло в ширину и в глубину. Он уже успел угадать этот тип даже сквозь сухие официальные отчеты о процессе «ста девяносто трех», и в 1878 году он просил меня рассказать ему все, что я знал, о Мышкине, который был одной из наиболее могучих личностей этого процесса.

Тургеневу не удалось воплотить в поэтические образы этих новых деятелей. Болезнь, которой никто не понимал и которую ошибочно определяли как подагру, тогда как в действительности это был рак спинного мозга, мучила Тургенева последние годы его жизни, приковывая его к постели или к кушетке. От этого периода его жизни остались только письма, блистающие умом, в которых переплетаются печаль и юмор; он обдумывал несколько новых повестей, которые остались неоконченными или же были только планами... Он умер в Париже, 65-ти лет, в 1883 году, диктуя, за несколько часов до смерти, госпоже Виардо (по-французски) повесть «Конокрад».

Необходимо в заключение сказать несколько слов о его «Стихотворениях в прозе» или «Senilia» (1882). Это — беглые заметки, мысли, образы, которые он набрасывал на бумагу, начиная с 1878 года, под впечатлением случайных фактов или мелькнувших воспоминаний. Хотя и написанные в прозе, эти лирические «стихотворения» — образцы совершенной поэзии; некоторые из них — перлы высокой красоты и производят такое же впечатление, как и лучшие стихи величайших поэтов («Старуха», «Нищий», «Маша», «Как хороши, как свежи были розы»); другие из них («Природа», «Собака») лучше всех других художественных произведений Тургенева выражают его философские взгляды. Наконец, в одном из них («На пороге»), написанном незадолго перед смертью, он выразил в высокопоэтической форме свое восхищение теми русскими женщинами, которые отдали свою жизнь революционному движению и шли на эшафот, нецененные и непонимаемые в то время, даже теми, за которых они отдали свою жизнь.